

Родным городом Юй Чжэнду был поселок Цзиньтань в соседнем городе Шучэн. Поселок Цзиньтань располагался на окраине Шучэна, и его географическое положение было довольно изолированным. Никакая крупная промышленность там так и не развилась, поэтому многие предпочитали уезжать на заработки в другие места. Однако, поскольку у жителей поселка была коммерческая жилка, оттуда вышло немало состоятельных людей, многие из которых помогали своим землякам. В результате, хотя сам поселок Цзиньтань экономически был ничем не примечателен, большинство местных семей жили в достатке.

Юй Чжэнду был единственным ребенком в семье. Его бабушки и дедушки умерли, когда он был еще маленьким, а после того, как он уехал учиться в Фучэн, дома круглый год оставались только его родители, из-за чего там было немного пусто. Поэтому, когда он по телефону сообщил им, что на праздник Цинмин привезет с собой коллегу, родителям это показалось немного странным, но они все равно с радостью приняли эту идею.

— Пап, мам, я вернулся! — крикнул Юй Чжэнду через бронированную дверь.

— Вернулся? В новостях передавали, что сегодня на дорогах жуткие пробки, да? — мама Юй подошла в фартуке, на ходу вытирая руки, и открыла дверь. Как только дверь распахнулась, ее глаза засияли, а голос подскочил на пару октав: — А это, должно быть, твой коллега?

— Ага, — Юй Чжэнду представил их друг другу. — Это моя мама. А это Шан Цюэ.

— О боже, Сяо Шан просто невероятно красив, правда? Выглядит лучше любой знаменитости, — глаза мамы Юй сузились от улыбки в полумесяцы, когда она отступила в сторону, пропуская их. — Проходите, проходите, присаживайтесь.

Шан Цюэ, казалось, чувствовал себя немного неловко. Он держался на полшага позади Юй Чжэнду и с каменным лицом кивнул:

— Здравствуйте.

Такую реакцию едва ли можно было назвать вежливой, но красота явно затуманила маме Юй разум. Она не только не нашла в этом ничего предосудительного, но и радостно принесла им фрукты.

— А где папа? — спросил Юй Чжэнду.

— Пошел на собрание клана. Сказал, что у Юй Маньчуаня есть какое-то предложение, — говоря это, мама Юй снова взглянула на Шан Цюэ. — Я сейчас готовлю. Вы двое пока посмотрите телевизор. Еда скоро будет готова.

— Мм, — тело Шан Цюэ было немного напряжено, словно он колебался мгновение, прежде чем достать пакет и протянуть его. — Это вам.

— Ой, ну что вы, вы и так приехали, этого достаточно, зачем такие церемонии? — мама Юй тут же расплылась в такой широкой улыбке, что ее глаз почти не стало видно, и потянулась за подарком.

Юй Чжэнду, сидевший рядом, тоже опешил. Он с изумлением посмотрел на своего босса:

— Ты еще и подарок привез?

Лицо Шан Цюэ приняло немного неестественное выражение:

— Разве в вашем человеческом мире не принято приносить подарок, когда впервые приходишь к кому-то в гости?

Это было правдой, но ты же призрак. Причем бедный и высокомерный призрак...

Юй Чжэнду мысленно посетовал, но затем быстро сообразил и в шоке понизил голос:

— Погоди, ты впервые пришел к кому-то в гости?

Шан Цюэ сидел прямо, как струна, и лишь искоса взглянул на него:

— ...В Подземном мире не принято ходить в гости. А обычным призракам я, как правило, не по карману, чтобы меня приглашать.

Юй Чжэнду:

— ...Логично.

Мама Юй достала вещи из пакета и обнаружила, что это набор из четырех маленьких черных пиал, каждая размером с детский кулачок. Их форма была простой и старинной, а в глазури виднелись тонкие коричневые прожилки — вероятно, результат какой-то имитации под старину. Пиалы выглядели немного старыми.

Семья Юй Чжэнду была типичной рядовой городской семьей. Ни у кого из них не было утонченных художественных хобби, и они абсолютно ничего не смыслили в фарфоре. Мама Юй покрутила четыре маленькие пиалы в руках, осмотрела их и с энтузиазмом сказала:

— Эти мисочки выглядят очень практичными. Как насчет того, чтобы использовать их сегодня за обедом?

Хотя Юй Чжэнду тоже считал, что в этих пиалах нет совершенно ничего особенного, он с готовностью решил спасти лицо своего босса и тут же согласился:

— Конечно, конечно. Четыре человека, четыре миски. Идеально.

Уголок рта Шан Цюэ едва заметно дернулся. Он сдерживался какое-то время, прежде чем, наконец, медленно произнести:

— Это чайные чашки.

Мама Юй: «...»

Юй Чжэнду: «...»

В комнате мгновенно повисла неловкость, но Юй Чжэнду, не изменившись в лице, быстро забрал чашки и показал большой палец:

— С первого взгляда видно, что это первоклассная чайная посуда. Я пойду помою их и тут же заварю чай.

Мама Юй тоже невозмутимо выпрямилась:

— А я пойду принесу вам чайные листья.

Уголок рта Шан Цюэ снова дернулся, но в конце концов он промолчал.

Юй Чжэнду быстро помыл чайные чашки и, делая вид, что ничего не произошло, заварил чай для себя и Шан Цюэ. Мама Юй тем временем вернулась на кухню, чтобы продолжить готовить обед.

Воспользовавшись отсутствием мамы, Юй Чжэнду наклонился к боссу и спросил:

— По пути сюда я не видел, чтобы ты что-то нес. Откуда ты вообще вытащил этот сервиз?

Шан Цюэ посмотрел на него:

— Когда-нибудь слышал о заклинании «вселенная в рукаве»?

Так называлось диковинное заклинание, которое, как говорили, позволяло прятать в рукавах все вещи неба и земли. Юй Чжэнду, возможно, мало что знал о бессмертных искусствах, но сериал «Путешествие на Запад» он смотрел. Его глаза мгновенно загорелись, и он взволнованно потянулся потрогать рукав Шан Цюэ:

— Я знаю такое. Это когда в рукава можно запихнуть целую кучу вещей? Вот это да. Дай посмотреть.

Шан Цюэ был одет в повседневную одежду: тонкий серый кардиган поверх рубашки. Рукава кардигана плотно прилегали к запястьям и уж точно не походили на те широкие, развевающиеся рукава, в которых, по слухам, могли помещаться целые миры.

Юй Чжэнду усердно попытался чуть шире оттянуть манжету кардигана Шан Цюэ и вытянул шею, заглядывая внутрь:

— Там ничего нет...

Шан Цюэ протянул руку, оттолкнул его голову и с непередаваемым трудом произнес:

— Это просто название заклинания. Для него не обязательно буквально использовать рукава...

Юй Чжэнду внезапно понял:

— Тогда где ты хранишь вещи?

Шан Цюэ только собирался ответить, когда от входной двери раздался возмущенный голос:

— Юй Маньцзян зашел слишком далеко. Он действительно убедил совет клана снести зал предков...

Юй Чжэнду поднял голову и позвал:

— Пап.

Папа Юй наконец заметил, что сын дома. Он оборвал свои сетования и подошел с улыбкой:

— Когда ты вернулся?

Затем его глаза снова загорелись, и, посмотрев на Шан Цюэ, он с ходу перешел к щедрым похвалам:

— А это, должно быть, твой коллега? Какой статный, красивый молодой человек!

Шан Цюэ по-прежнему сидел прямо, как струна, и лишь кивнул папе Юю. Спустя мгновение он медленно выдавил из себя неестественную улыбку:

— Здравствуйте.

Как только с приветствиями было покончено, Юй Чжэнду спросил:

— Что там случилось с Юй Маньцзяном?

Папа Юй сел напротив них, вздохнул и ответил:

— Сегодня совет клана созвал всех представителей семей на собрание. Они сказали, что Юй Маньцзян получил во сне откровение от Трех Богов, предписывающее нам расширить Храм Трех Богов. Деревня планирует снести зал предков и использовать это место для постройки главного зала храма.

Юй Чжэнду остолбенел:

— Разве так можно? С каких это пор дозволено просто сносить зал предков, когда вздумается?

Поскольку поселок Цзиньтань был относительно изолированным и небольшим, здесь сохранилось много старых обычаев. Например, во время крупных праздников в залах предков, принадлежащих одному клану, по-прежнему проводились ритуальные церемонии.

Что касается Храма Трех Богов, о котором упомянул папа Юй, то это был небольшой храм, построенный рядом с залом предков клана Юй. В нем почитались фигуры, которые считались предками клана Юй, а их происхождение восходило ко временам династии Мин. Легенда гласила, что в то время три брата из клана Юй стали самыми богатыми людьми в регионе; при этом они были щедрыми и милосердными, делая много добрых дел для деревни. В последние годы их жизни разразилось стихийное бедствие, оставившее после себя умирающих от голода людей на тысячи миль вокруг. Три брата Юй пожертвовали все свое богатство на помощь пострадавшим и спасли бесчисленное множество жизней. За эти благие дела после их смерти местные жители построили для них храм и изваяли статуи по их подобию. С тех пор им и поклонялись.

Иными словами, Три Бога не были богами в традиционном смысле, а скорее божествами-хранителями, покровительствующими конкретно клану Юй. Тем не менее, Три Бога оправдывали преданность жителей деревни. С годами часто случались чудеса, защищавшие местных, и внутри клана Юй эти божества пользовались огромным авторитетом.

Но даже несмотря на то, что они были местными божествами, почитаемыми жителями, не было абсолютно никаких оправданий тому, чтобы сносить зал предков только ради расширения их храма.

Как только зашла речь об этом, папа Юй поморщился, словно у него заболела печень. Он сердито хлопнул себя по бедру и сказал:

— Я и другие представители деревни сказали в точности то же самое. Но Юй Маньцзян заявил,

что Три Бога дали ему откровение во сне, а еще они пригласили медиума провести гадание на доске фуцзи. Результат действительно гласил, что нужно снести зал предков. Что мы вообще можем на это возразить?

Юй Чжэнду тут же все понял и обеспокоенно нахмурился:

— Если медиум действительно дал такое указание, боюсь, слова тут не помогут.

Медиумом, о котором шла речь, был юный служитель Храма Трех Богов, способный призывать Трех Богов вселяться в него с помощью гадания фуцзи и передавать их волю. В этих краях он обладал серьезным авторитетом.

Если указание действительно было получено таким путем, то жителям деревни, находящимся под защитой Трех Богов, было бы крайне сложно отказаться.

Папа Юй вздохнул:

— Это не пустяк. Даже если это было веление духа, совет клана не собирался так легко соглашаться. Мы спорили все утро, и в конце концов все пошло на компромисс. Идея Юй Маньцзяна заключается в том, что завтра медиум снова призовет Трех Богов. Если результат останется прежним, никто больше не сможет ничего сказать. Сейчас совет клана готовится пригласить эксперта из Дагуаньли, чтобы тот пообщался с Тремя Богами и посмотрел, есть ли возможность переиграть ситуацию.

Юй Чжэнду кивнул и налил ему чашку чая:

— Тогда пока перестань злиться. Поговорим, когда придет время.

— Только это нам и остается. — Папа Юй вздохнул, взял чашку с чаем и сделал глоток. Затем он удивленно произнес: — А? — и внимательно посмотрел на черную пиалу в своей руке: — Разве это не одна из тех чайных чашек с черной глазурью? Из тех, что были в моде во времена династии Сун...

Шан Цюэ все это время молча пил чай и слушал. Лишь услышав эти слова, он поднял глаза и с недоумением спросил:

— Вы узнаете ее?

Юй Чжэнду тоже удивился:

— Пап, с каких это пор ты научился разбираться в чайной посуде?

— Ой, да бросьте, ничего я в этом не смыслю, — отмахнулся папа Юй. — Сегодняшнее собрание проходило в доме Юй Маньцзяна, и там я видел точно такую же. Юй Маньцзян в последнее время пристрастился к чаю. У него целый шкаф забит чайными листьями и сервизами, и он специально выставил их, чтобы члены клана могли полюбоваться ими и воспользоваться. Один из сервизов, который он вынес, выглядел один в один как этот. Он сказал, что с огромным трудом приобрел его у какого-то именитого мастера-керамиста из какой-то там печи — реплику чайной чашки династии Сун с черной глазурью.

Папа Юй указал на полосатый узор на чашке:

— Ого, точь-в-точь такая же. Он даже провел нам целую лекцию. Эта разновидность

называется «заячий мех». Если работа искусная, то стоит очень дорого. Он хвастался, что его сервис обошелся более чем в сто тысяч.

— Настолько шикарно? — Юй Чжэнду взял чашку, покрутил ее так и эдак, но по-прежнему не увидел в ней ничего особенного. — Серьезно?

Шан Цюэ кивнул:

— В твоих руках «золотой заячий мех».

— Точно, точно. — Папа Юй блеснул только что полученными знаниями, напустив на себя вид профессионала. — Они делятся на «золотой заячий мех» и «серебряный заячий мех» в зависимости от цвета прожилок. Люди династии Сун любили чайные состязания, и, э-э, как там бишь... поэтому использовали вот такую черную посуду...

Наблюдая, как отец выдает целое объяснение, состоящее сплошь из «э-э, как там бишь» и абсолютно лишённое смысла, Юй Чжэнду лишился дара речи.

Шан Цюэ, видимо, тоже не мог больше на это смотреть, и, что для него необычно, добавил от себя:

— Люди эпохи Сун во время чайных состязаний использовали мелко смолотый чайный порошок. При взбивании во время заваривания образовывалась пена. Качество чая оценивали по тому, не оставляет ли он следов воды на чашке, что означало отсутствие осадка на внутренних стенках. Именно поэтому использовались черные чашки. На них все было лучше видно.

— Да, да, именно так! — папа Юй с восхищением посмотрел на него. — Сяо Шан объясняет так просто и доходчиво. А Юй Маньцзян болтал без умолку, цитировал классику и даже вворачивал старые литературные фразочки. Как только он закончил, я все напрочь забыл.

— ...Это потому, что у тебя слабая культурная база, — хмыкнул Юй Чжэнду, а затем добавил: — А Юй Маньцзян и впрямь дает: строит из себя утонченного интеллектуала, будто кто-то не знает, что он из себя представляет.

— Да кто ж его знает, — папа Юй улыбнулся и посмотрел на Шан Цюэ. — Никак не ожидал, что Сяо Шан в таком молодом возрасте знает так много. Ты очень начитан.

Глядя на этот нелепый дуэт отца и сына, Шан Цюэ на мгновение потерял дар речи. После долгой паузы он наконец выдал из себя два слова:

— Элементарная эрудиция.

После обеда мама Юй отправила мужа мыть посуду, а сама принялась готовить подношения.

Обычаи жертвоприношений в поселке Цзиньтань передавались из поколения в поколение. Каждый год семьи собственноручно готовили местную выпечку и подносили фрукты. Как только Юй Чжэнду увидел, что мама начала возиться с начинкой, он взял на себя замешивание теста.

Юй Чжэнду сел рядом с Шан Цюэ месить тесто, пока тот смотрел телевизор. Они время от

времени перебрасывались парой фраз.

Мама Юй, смешивавшая начинку рядом с ними, за работой спросила Шан Цюэ:

— Сяо Шан, а что у вас обычно готовят на Цинмин? Расскажи. Если я знаю рецепт, может быть, приготовлю что-нибудь и для тебя.

В тот момент Шан Цюэ был полностью поглощен недавно вышедшей исторической дорамой с высокими рейтингами «Старый сон Бяньляна». Когда мама Юй заговорила, он как раз с силой хлопнул Юй Чжэнду по бедру, яростно ругаясь:

— Что за мусор они понаписали для этого сериала? В династии Сун никто бы в жизни не стал вытворять подобные вещи. А эти декорации, эта одежда, еда и утварь — ни одна деталь не соответствует действительности!!!

Юй Чжэнду схватился за ногу:

— ...Полегче с руками.

Шан Цюэ отдернул руку, но, судя по всему, все еще не успокоился, потому что достал телефон:

— Этот сюжет слишком нелеп. Пойду в интернет проклинать сценариста!!!

Видя, как сердито он пыхтит на телевизор, мама Юй не смогла сдержать смеха и поддразнила:

— Сяо Шан, ты изучал историю, верно? Откуда ты знаешь, что в сериале все неправильно?

Шан Цюэ фыркнул:

— Это элементарная эрудиция. Сценарист — просто свинья!

Мама Юй: «...»

Красивый молодой человек и правда мог быть до безумия неразумным.

Она улыбнулась и повторила свой вопрос.

На этот раз Шан Цюэ наконец услышал ее. Секунду он выглядел озадаченным, прежде чем деревянно указать на телевизор:

— Тогда сделайте мне финиковые пирожные вон оттуда.

Мама Юй: «...»

Разве ты только что не проклинал сценариста?

Юй Чжэнду посмотрел на своего босса, затем на мать, оказавшуюся в затруднительном положении. Он решительно достал телефон, нашел кулинарный tutorial и отправил ей ссылку:

— Удачи, мам.

Мама Юй:

— ...Ладно.

Немного погодя Юй Чжэнду закончил месить тесто. Видя, что Шан Цюэ все еще с головой погружен в телевизор, мама Юй кивнула в его сторону подбородком и сказала сыну:

— Нам еще не хватает ритуальных денег и свечей с благовониями. Сходи купи, а заодно выведи Сяо Шана прогуляться.

Юй Чжэнду согласился и потянул Шан Цюэ за собой:

— Сяо Шан, пойдем пройдемся и кое-что купим.

Шан Цюэ вырвал руку:

— Подожди, афера мисс Белый Пион с фальшивой беременностью вот-вот раскроется. Я досмотрю до конца!

Юй Чжэнду: ...

Разве ты только что не проклинал сценариста?

Лишь после того, как злобную второстепенную героиню, мисс Белый Пион, наконец разоблачили и с позором вышвырнули из дома, Шан Цюэ с чувством глубокого удовлетворения поднялся и пошел за покупками вместе с Юй Чжэнду. Перед уходом он не забыл обложить сценариста матом в Weibo.

Юй Чжэнду выкатил небольшой электрический скутер, перекинул через него ногу и похлопал по заднему сиденью:

— Садись. Прокачу.

Шан Цюэ какое-то время сверлил скутер взглядом, прежде чем медленно забраться на него; его голос был полон презрения:

— Я бы в жизни не сел на подобный транспорт...

Юй Чжэнду изогнул бровь:

— Ты ничего не понимаешь. В нашем городке такой байк — король дорог.

Шан Цюэ фыркнул:

— В следующий раз тебе придется раздобыть такой же, но с крышей.

Юй Чжэнду на мгновение замолчал:

— Ты уже спланировал следующую поездку?

Шан Цюэ: «...»

Его кольнула легкая досада. Как это у него вырвалось так естественно?

К счастью, Юй Чжэнду тут же подхватил разговор:

— Конечно, конечно. В следующий раз я приделаю зонтик от солнца и добавлю крышу.

Шан Цюэ хмыкнул.

Десять минут спустя Шан Цюэ обнимал Юй Чжэнду за талию и говорил:

— Жми быстрее. Это весело.

Юй Чжэнду:

— ...Меня и так уже трясет так, что душа из тела вон. Быстрее я правда не могу.

Поселок Цзиньтань был классическим китайским городком тридцать восьмого эшелона. Центр представлял собой старую застройку, оставшуюся с давних времен, состоящую из домов с серыми стенами и крышами из серой черепицы. От него лучами расходились самострой в смешанном городском и сельском стиле восьмидесятых и девяностых годов.

Планировка дорог тоже была сущим кошмаром. Улицы в центре не ремонтировались десятилетиями. Узкие и ухабистые, они были идеальной территорией для электроскутеров. Но именно в этом районе по-прежнему была сосредоточена масса традиционных старых магазинов.

Юй Чжэнду привел Шан Цюэ в лавку, торгующую благовониями и свечами. Это был старый местный бизнес, и в праздники торговля шла особенно бойко. Сотрудники явно сбивались с ног, но как только эти двое переступили порог, их выдающаяся внешность мгновенно привлекла внимание хозяйки.

Женщина торопливо передала покупки другому клиенту, после чего с улыбкой протиснулась к ним:

— Вы, двое молодых людей, пришли за покупками для семьи, верно?

Юй Чжэнду кивнул и перечислил список покупок, который дала ему мама.

— Да, у нас это есть. Минуточку, — хозяйка ловко схватила пакет и начала скидывать в него товары. Вскоре она вернулась с доверху набитым пакетом. — Мы как раз получили два новых вида ритуальных денег крупного номинала. Сжечь такие для ваших предков — самое солидное дело.

Юй Чжэнду часто бегал по поручениям матери в детстве, поэтому прекрасно знал, что означает «крупный номинал». Он открыл пакет и достал пачку ритуальных денег. И тут же с веселым смешком выдал:

— Боже мой, одна купюра сразу на миллион. А они там, внизу, не боятся инфляции?

В руках он держал ритуальные деньги, напечатанные по образцу банкнот, вот только портрет заменили на Нефритового Императора, а в уголках красовалась надпись: «Банк Подземного мира Хуася». Номиналы были еще более возмутительными: после единицы шло столько нулей, что казалось, будто чернила достались печатнику бесплатно.

Такие бумажные деньги начали появляться еще когда Юй Чжэнду был ребенком. Из-за их новизны и наличия номинала они когда-то пользовались бешеной популярностью. И хотя со временем ажиотаж немного спал, люди по-прежнему любили сжигать их вместе с остальными подношениями. Вот только с годами номиналы становились все более нелепыми. Когда они только появились, то печатались сотнями и тысячами. Он и представить не мог, что сейчас они

дойдут до миллионов.

Хозяйка ответила:

— Сейчас все такие сжигают. Ваши предки могут быть бедны в чем угодно, но только не в деньгах, верно?

Пока эти двое на полном серьезе несли чепуху, Шан Цюэ внезапно потянулся, выхватил ритуальные купюры из рук Юй Чжэнду, вытащил из пакета остальные и выложил их обратно на прилавок. Нахмурившись, он произнес:

— Не бери такие. Хватит и желтой бумаги с золотой фольгой.

Хозяйка повернулась к красивому, отстраненному молодому человеку и поддразнила его:

— Ой? Почему нет? Разве может хватить одной только золотой фольги? А что будет, когда у предков всех остальных будут активы в сотни миллионов, а у вашей семьи — нет?

Шан Цюэ полностью проигнорировал ее и обратился только к Юй Чжэнду:

— От них нет никакого толку. Желтой бумаги с золотой фольгой достаточно.

Юй Чжэнду тоже замер и лишь с запозданием вспомнил, что перед ним стоит шишка из Подземного мира. Если уж спрашивать, что на самом деле используют по ту сторону, кто может знать это лучше него?

А все потому, что его босс слишком уж походил на симпатичного человека.

Выйдя из лавки благовоний, Юй Чжэнду не поехал сразу домой. Вместо этого он припарковал скутер на обочине и провел Шан Цюэ из одного конца старой улочки в другой, позволяя ему проникнуться атмосферой маленького городка.

Старые переулки поселка Цзиньтань были вымощены каменными плитами, неровными, но по-своему очаровательными. По обеим сторонам дороги тянулись магазинчики, а туда-сюда постоянно сновал оживленный поток пешеходов.

Они неспешно прогуливались по каменной дорожке. Шан Цюэ, разглядывая товары в лавках по сторонам, заодно прочитал Юй Чжэнду небольшую лекцию о том, как в Подземном мире используют ритуальные деньги.

— ...Подземный мир не занимается производством, и в нем нет торговли. За деньги там ничего не купишь. Человеческий мир считает, что ритуальные деньги, сжигаемые для мертвых, предназначены для того, чтобы предки могли их тратить, но на самом деле это заблуждение. С древних времен смысл сжигания ритуальных денег всегда заключался лишь в вере живых.

Как божественный, так и призрачный миры всегда сильно зависели от подношений из Человеческого мира. В сравнении с жертвенными предметами, истинной пищей для путей бессмертных и призраков была человеческая вера.

Над головой Юй Чжэнду повис крошечный вопросительный знак:

— В таком случае вообще нет нужды сжигать ритуальные деньги. Не проще ли было бы

питаться одной любовью энтузиастов?

Уголок рта Шан Цюэ слегка дернулся, словно он совершенно не желал отвечать на эту реплику. Спустя долгое время он все же заставил себя продолжить:

— ...В прошлом желтая бумага с золотой фольгой использовалась, чтобы умаслить чиновников Подземного мира и духов.

Божественному царству всегда нравились позолоченные статуи. Помимо сусального золота, которым смертные верующие покрывали изваяния, желтая бумага и золотая фольга, несущие в себе веру живых, также могли повысить культивацию, поэтому эти вещи пользовались спросом и в Подземном мире.

Так что все эти странные и все более вычурные ритуальные банкноты, которые люди со временем придумали из-за собственного невежества — если в них не было металлической фольги или сусального золота, — были абсолютно бесполезны, какой бы гигантский номинал на них ни был напечатан.

— До падения призрачного царства существовала даже Мусорная Денежная Гора. Вся некачественная ритуальная бумага, произведенная в Человеческом мире, эти дрянные бумажки, в которых бумаги было больше, чем фольги, и серебряные слитки, в которых почти не было серебра — никто в Подземном мире ими не пользовался, сколько бы их ни сжигали. Все это сваливали на Мусорную Денежную Гору.

К Юй Чжэнду пришло внезапное озарение, и он не мог не выразить своего восхищения:

— Ваши призраки действительно мудры. У вас там даже была такая гора? Тогда в Подземном мире точно никогда бы не возникло ситуации, когда худшие деньги вытесняют лучшие.

Ваши призраки... худшие деньги вытесняют лучшие...

Шан Цюэ искоса взглянул на него:

— Пожалуйста, прекрати делать выводы.

Юй Чжэнду ткнул босса локтем и подмигнул ему:

— Как насчет такого: когда наша компания начнет приносить хорошую прибыль, я сожгу для тебя целый грузовик золотой фольги, чтобы ты стал обладателем настоящей золотой горы!

— Нет необходимости. У меня уже есть гора золота, — Шан Цюэ вздернул подбородок, в его глазах блеснула гордость.

Юй Чжэнду слегка опешил:

— ...Правда?

— Пра... что это? — Шан Цюэ внезапно сменил тему, его взгляд зацепился за небольшую придорожную палатку.

Юй Чжэнду проследил за его взглядом и увидел местное лакомство, называемое сахарными львами. Сладость делали так: измельченный жареный арахис заливали растопленным сиропом, а затем, когда смесь застывала, придавали ей форму маленьких львов. Они стояли в ряд на прилавке, выглядя очаровательно неуклюже.

Карамельная сладость и аромат жареного арахиса сливались в невероятно соблазнительный запах, от которого непроизвольно текли слюнки.

Но когда дело доходило до вкуса, описать его можно было только одним словом...

Приторный.

Это был просто гигантский комок сахара и арахиса, а поскольку ингредиентов не жалели, стоил он недешево. В понимании Юй Чжэнду это была местная версия кирпичного пирога.

Он выпалил:

— А, кирпичный пирог.

Шан Цюэ: «...?»

— А, нет, сахарный лев. — Юй Чжэнду поправился и сморщил нос. — Эта штука невероятно сладкая. Если я разрежу одного льва, то смогу есть его полмесяца.

Шан Цюэ какое-то время смотрел на фигурку, затем вздернул подбородок в сторону Юй Чжэнду:

— Купи мне одного.

Юй Чжэнду: ...

Неужели призрак, который хвастался горой золота, действительно должен говорить такое?

Лев стоил всего тридцать юаней, а он все равно хотел, чтобы его сотрудник за него заплатил.

Его босс и правда был мастером молоть чепуху.

Юй Чжэнду молча достал телефон и расплатился. Шан Цюэ с довольным видом взял льва. Как раз когда Юй Чжэнду собирался посоветовать ему отламывать по маленькому кусочку и есть медленно, Шан Цюэ открыл рот и прямо откусил льву голову.

Юй Чжэнду ничего не оставалось, как напомнить ему:

— ...Сяо Шан, следи за своими манерами.

Голова льва на самом деле была всего около десяти сантиметров в поперечнике. Шан Цюэ посмотрел на него с набитым ртом, все еще сохраняя прямую и грациозную осанку, и произнес:

— Разве сейчас у меня нет манер?

Глядя на его раздутые от львиной головы щеки и слушая искаженное произношение, Юй Чжэнду ответил против совести:

— ...И правда есть.

Шан Цюэ продолжил идти, жуя сахарного льва. Вскоре он заметил еще одно приглянувшееся ему лакомство. С большим мастерством он повернулся к Юй Чжэнду и начал делать толстые намеки.

Юй Чжэнду:

— ...Уже покупаю.

С сахарным львом в левой руке и еще одной закуской в правой Шан Цюэ был наконец полностью удовлетворен.

Видя, что он в мгновение ока умял целую львиную голову, Юй Чжэнду не удержался от вопроса:

— Тебе не кажется, что это слишком сладко?

При этих словах Шан Цюэ и вправду остановился и задумался. А затем кивнул:

— Немного. Купи мне бутылку воды.

Юй Чжэнду: ...

И зачем он вообще спросил?

Он смирился со своей участью, пошел, купил бутылку воды и протянул боссу:

— Держи.

Они посмотрели друг на друга, а затем одновременно замолчали.

В левой руке Шан Цюэ держал сахарного льва, а в правой — закуску. Обе руки были заняты.

Юй Чжэнду только собирался предложить подержать одну из закусок, как Шан Цюэ внезапно открыл рот:

— А-а-а...

Юй Чжэнду: *Сдаюсь!*

Ему хотелось отказаться, но его босс и так обычно был достаточно мелочным. Если он откажет ему сейчас, кто знает, не затаит ли Шан Цюэ обиду.

Поразмыслив и так и эдак, Юй Чжэнду в конечном итоге поддался предупреждающему инстинкту и молча отвинтил крышку бутылки... но чего он никак не ожидал, так это того, что Шан Цюэ окажется настолько возмутительным. Весь оставшийся путь каждые несколько шагов он требовал от него дать ему попить.

Его босс выглядел очень счастливым, а вот ему самому приходилось терпеть странные взгляды прохожих.

Эх. Тяжела и неказиста работа.

Вскоре они дошли до конца переулка. Он выходил на развилку, и одна из дорог вела к жилым домам, так что разглядывать там было особо нечего.

Шан Цюэ уже доел сахарного льва и все еще выглядел неудовлетворенным. Опасаясь, что на обратном пути он приметит что-нибудь еще, Юй Чжэнду свернул в боковой переулок и сказал:

— Давай пойдем домой коротким путем. Там меньше людей.

Шан Цюэ не согласился, но и не возразил. Лишенный новых закусок, он выглядел так, словно потерял душу, и с полным безразличием поплелся за Юй Чжэнду.

Юй Чжэнду только успел повернуть в переулок, как вдруг удивленно произнес: «А?» — и спросил:

— Откуда здесь взялся старик?

Услышав это, Шан Цюэ лениво взглянул в ту сторону. Затем его глаза, до этого пустые и расфокусированные, слегка сузились.

На углу узкого переулка, скорчившись в комок и криво прислонившись к стене, спал старик в рваной одежде и грязного вида. Его распушенные серо-белые волосы с желтоватым оттенком почти закрывали все лицо, из-за чего невозможно было четко разглядеть черты.

Юй Чжэнду озадаченно сказал:

— Я никогда раньше его не видел. Он пришел откуда-то из другого места?

Глядя на копну седых волос старика, он понятия не имел, как тот вообще добрался до городка. В его сердце зародилась нотка жалости. Порывшись в кармане, он нашел немного мелочи, затем присел на корточки перед стариком и позвал:

— Здравствуйте, дедушка.

Спустя какое-то время старик медленно открыл глаза и посмотрел на него сквозь волосы, его взгляд был полон замешательства:

— Ты меня видишь?

Юй Чжэнду: ????

Старик только собирался что-то добавить, как вдруг перед ним присел еще один человек с легкой полуулыбкой на губах:

— Здравствуйте, Бог Земли.

Рано утром следующего дня, после завтрака, семья Юй Чжэнду последовала за папой Юем к залу предков клана Юй.

Клан Юй был главной фамилией в этом районе, с большой и процветающей популяцией. Старая застройка занимала целый район на юго-западе Цзиньтаня, где дома стояли вплотную друг к другу. Зал предков находился в самом начале поселения, занимая обширное открытое пространство. За ним располагался пруд, а справа стоял небольшой храм, образуя прямой угол с залом предков.

Внутри этого храма находились три статуи — те самые Три Бога, которым поклонялся клан Юй.

К тому моменту, когда Юй Чжэнду и остальные прибыли на место, открытая площадка уже

была забита людьми. Они естественным образом образовали полукруг и перешептывались между собой. Если прислушаться, обсуждение в основном все еще велось вокруг того, стоит ли сносить зал предков, чтобы расширить Храм Трех Богов.

Как представитель деревни, папа Юй вошел в зал предков один, в то время как Юй Чжэнду и остальные протиснулись в первые ряды толпы.

Перед Храмом Трех Богов и залом предков уже был установлен алтарь. Помимо подношений, на алтаре также лежали киноварь и желтая бумага. Перед ним стояла огромная курильница для благовоний, которую вынесли из Храма Трех Богов. В курильницу была воткнута одна гигантская ароматическая палочка, длиной с метр и толщиной в руку.

Позади алтаря, со стороны, расположенной ближе к Храму Трех Богов, стояло большое кресло, выкрашенное в ярко-красный цвет.

В отличие от обычного кресла, каждая деталь, которая соприкасалась бы с телом — сиденье, спинка и подлокотники, — была усеяна длинными торчащими вверх гвоздями. Каждый гвоздь был длиной примерно с палец, его острый конец смотрел вверх и холодно поблескивал на солнце.

Юй Чжэнду объяснил Шан Цюэ:

— Когда медиум Храма Трех Богов проводит гадание фуцзи, он раздевается по пояс. Как только одержимость удастся, он садится в это кресло с гвоздями и использует кисть и тушь, чтобы общаться с людьми.

Этот ритуал также был причиной, по которой клан Юй так сильно доверял Трем Богам. В других местах медиумы полагались исключительно на свои рты, как только...

<http://bllate.org/book/18126/1744049>